



Аспирант СОИГСИ
С.М. Теммоев

К вопросу повстанческого движения на Северном Кавказе в первые годы советской власти

С.М. Теммоев

Затянувшаяся Гражданская война в России, имевшая колоссальные негативные последствия почти для всех народов многонациональной страны, завершилась в 1920 г. разгромом внутренних антисоветских сил и иностранной военной интервенции. Это позволило молодому советскому правительству вплотную приступить к решению назревших хозяйственных вопросов. Переход к мирному строительству происходил в чрезвычайно трудных и противоречивых условиях огромной разрухи, явившейся следствием Первой мировой и Гражданской войн. Ущерб, нанесенный России за эти годы, составил свыше половины национального богатства, которым она располагала в 1913 г. [1].

В особо трудном положении оказался Северный Кавказ, где Гражданская война продолжалась в отдельных районах и после 1920 г. Основная причина недовольства определенной части крестьянства Северного Кавказа «советской властью объяснялось введением продовольственной разверстки, сопровождавшейся принудительным изъятием хлеба за бесценнок или вовсе бесплатно» [2]. Для подавления антисоветских мятежей на территории Северного Кавказа пришлось использовать «не только воинские части, но принять ряд важных политических решений» [2].

В условиях продолжавшихся на Северном Кавказе военных действий в октябре 1920 г. политическое руководство РСФСР признало необходимым «проведение в жизнь автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений» [3]. В конце 1920 г. были проведены подготовитель-

ные мероприятия по созданию автономных республик на Северном Кавказе. В ноябре 1920 г. нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск в Дагестане) и во Владикавказе провозгласил Декларации об автономии Дагестана и Терской области. Таким образом, были созданы Дагестанская и Горская АССР на территории Северного Кавказа.

В декрете «Об образовании Автономной Горской Социалистической Советской Республики» было записано, что она включает в свой состав территорию, занимаемую чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами и смежным чересполосно проживающим русским населением [2]. В соответствии с этим Горская АССР делилась на Чеченский, Осетинский, Ингушский, Балкарский, Кабардинский и Карачаевский (горские) и Сунженский (казачий) округа. Административно-политический, промышленный и культурный центр Осетии, в целом всей Терской области – г. Владикавказ и г. Грозный с районом нефтепромыслов выделялись в отдельные административные единицы, непосредственно подчиненные высшим органам Горской АССР [4].

Необходимо подчеркнуть, что Горская и Дагестанская АССР были форпостами советской власти на юге РСФСР. Большинство горцев Северного Кавказа видело в автономных республиках многонационального региона подтверждение мудрости ленинской национальной политики [5]. Выступая на Учредительном съезде Советов Горской АССР, С.М. Киров говорил: «Каждый день существования нашей республики, каждый шаг нашей работы по укреплению

нию советской формы жизни трудового народа, помните, будет горячим отзвуком служить там, в пределах Ближнего и Дальнего Востока... Отныне каждый шаг рабочих и крестьян в пределах нашей небольшой республики будет являться примером новой жизни для всего Востока» [6]. Действительно, предоставление автономии коренным народам Северного Кавказа было подтверждением преимуществ новой жизни не только «для всего Востока», но и для всех угнетенных народов. Создание Горской и Дагестанской АССР вызывалось необходимостью решения важных задач, ближайшими из которых являлись укрепление советской власти, борьба с ее противниками и бандитизмом, а также «вовлечение горцев в управление государством, приближение государственного аппарата к трудящимся массам, разрешение земельного вопроса на принципах уравнительного землепользования, ускоренное развитие хозяйства округов и всей республики, организация сельскохозяйственного производства на коллективных началах, подготовка национальных кадров, ликвидация неграмотности населения, развитие национальной культуры горских народов и, в первую очередь, строительство школ и вузов, культурно-просветительных учреждений, театров» [4, с.63]. Таким образом, центральная советская власть делала все возможное для национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Однако в многонациональном регионе продолжали действовать различные антисоветские силы, представлявшие серьезную угрозу территориальной целостности РСФСР. В разных местах Северного Кавказа происходили восстания трудящихся, в основном крестьянства, подавленные с помощью молодой Красной Армии. Так, например, в горах Чечни и Дагестана активно действовали антисоветские вооруженные отряды Н. Гоцинского, Б. Астемирова, А. Шалимова, К. Хаджи и другие. Известный ученый-кавказовед, доктор исторических наук, профессор В.Д. Дзидзоев по этому поводу пишет: «5 сентября 1920 г. Нажмутдин Гоцинский во главе большого повстанческого отряда перешел границу Дагестана со стороны Грузии и поднял в горах огромные массы людей против советской власти. Армейские, милицейские, чекистские и другие силы, которыми располагал Дагестан, не смогли противостоять натис-

ку Н. Гоцинского, отряды которого быстро росли за счет примкнувших к ним представителей духовенства, бывших зажиточных слоев, а также многочисленных безграмотных горцев, не понимавших сущности советской власти» [5, с. 156]. Добавим, что в открытых сражениях части Красной Армии и чекисты потерпели несколько поражений, и это еще больше вдохновило Н. Гоцинского и его сторонников. Следует согласиться и с тем, что «советская власть в Дагестане висела на волоске» [5]. Центральная советская власть совместно с местными органами власти, включая Красную Армию и чекистов, «делали все возможное, но успех сопутствовал Н. Гоцинскому» [5]. Таким образом, можно обоснованно утверждать, что имам Северного Кавказа аварец Нажмутдин Гоцинский все еще представлял большую опасность для местных властей. Секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян писал, что недавний имам «претендовал на лидерство во всех районах Чечни, Ингушетии, Дагестана и др. территориях Северного Кавказа» [7]. Своим местопребыванием он выбрал Алмакские хутора Хасавюртовского округа в горной местности на границе Чечни и Дагестана. В этих чрезвычайно сложных условиях происходило наращивание усилий карательных органов РСФСР, изменение нормативной базы их применения. Так, например, 6 февраля 1922 г. ВЦИК принял постановление о преобразовании ВЧК в ГПУ. На органы ГПУ возлагалась задача подавления открытых антисоветских выступлений, в том числе и бандитизма. 16 октября 1922 декрет ВЦИК предоставил новой структуре право применения репрессий вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличным в ходе бандитских налетов [8].

В ноябре 1921 г. в честь 4-й годовщины октябрьской революции 1917 г. декретом ВЦИК была объявлена полная амнистия всем участвовавшим в Гражданской войне в качестве рядовых и втянутым в борьбу против советской власти. Следует подчеркнуть, что данная амнистия касалась только тех борцов против советской власти, которые к тому времени находились в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии. О Северо-Кавказском регионе в декрете не упоминалось [9]. Это связано, повидимому, с большим размахом антисоветской борьбы на Северном Кавказе. В 1921 г. Правительство РСФСР

объявило амнистию всем повстанцам, «которые добровольно сложат оружие». Десятки и сотни участников восстания в 1920–1921 гг. на территории Дагестана и Чечни «после поражения сдались добровольно властям» [5]. А в это время Н. Гоцинский, численность повстанцев которого росла с каждым днем, начал собирать новые силы для борьбы против большевиков. К осени 1921 г. «в 8 округах Дагестана из 10 (Самурском, Кюринском, Даргинском, Дербентском, Андийском, Казикумухском, Гунибском и Хасавюртовском) новые силы повстанцев начали теснить части Красной Армии» [5]. О серьезности и опасности положения говорит тот факт, что Дагестанская АССР «с августа 1922 г. была объявлена на военном положении» [5]. Обстановка в автономной республике оставалась настолько напряженной, что «значительная часть населения Дагестана снова встала под знамена независимой Горской Республики (взявшей в 1918 г. курс на отделение от советской России. – С.Т.)» [5]. Следует подчеркнуть, что руководство не только Дагестанской АССР, но в целом советской России вполне сознавало, что основным источником возникновения антисоветского вооруженного движения на Северном Кавказе является слабость, просчеты и ошибки государственной политики, ибо «бандитизм может существовать очень долго, и единственно целесообразный способ борьбы с ним – это укрепление и исправные действия правительственного аппарата не только в центре, но и на периферии» [10].

Высшее партийное и военное руководство РСФСР прилагало огромные усилия для уничтожения банд повстанческого движения на Северном Кавказе.

В приказе Реввоенсовета советской республики №157/308 от 28 июня 1922 г. подчеркивалась необходимость активизации борьбы с бандитствующими элементами с учетом изменившейся общественно-политической обстановки в стране. Документ определял порядок использования летучих и истребительных отрядов в условиях оккупации районов восстания. Особое внимание уделялось ведению непрерывной разведки с участием ГПУ и населения, для чего «предусматривалось выделение денежных средств» [11]. Кроме того, партийное и военное руководство страны осознало необходимость агитационной и пропагандистской работы среди населения, которое поддерживало не только Н. Гоцинского,

но и других авторитетных лидеров антисоветского движения. В борьбе против повстанческого движения на Северном Кавказе этот аспект проблемы становился все более актуальным, на что обращал внимание И.В. Сталин на съезде народов Дагестана в докладе «Декларация о советской автономии Дагестана». Он четко уловил специфику психологии народов Дагестана, их настроение, отношение к автономии и к советской власти, исламу, шариату и т.д. И.В. Сталин в своем докладе сделал особый акцент на том, чтобы «трудящиеся горцы» Дагестана активнее подключились к борьбе советской власти против Н. Гоцинского [12].

Предоставляя автономии народам Северного Кавказа, руководство страны надеялось решить несколько задач, главными из которых, на мой взгляд, были: 1) покончить с идеей независимости горцев, значительная часть которых поддерживала независимую Горскую Республику в 1918–1920 гг.; 2) разбить с помощью самих горцев Н. Гоцинского и других авторитетных лидеров антисоветского движения на Северном Кавказе, которые представляли мощную силу против советской власти; 3) показать всему мусульманскому миру, как советская власть решает национально-религиозные проблемы бывших угнетенных народов царской России; 4) вытащить «отсталые в экономическом и культурном отношении народы из той трясины, темноты и невежества, где они находились долгие годы в силу объективных и субъективных причин» [5, с.141]. Обращает на себя внимание необходимость более активной борьбы широких слоев «самых горцев» против Н. Гоцинского. Акцентируя на этом внимание дагестанцев, И.В. Сталин говорил: «Если вы прогоните Гоцинского ..., то тем самым оправдаете доверие, которое оказывает высшая Советская власть, давая Дагестану автономию» [12]. Однако задача, которую ставил И.В. Сталин перед дагестанцами, была очень сложной. Профессор В.Д. Дзидзоев по этому поводу отмечает: «Прогнать Н. Гоцинского из Дагестана и Чечни было не легким делом. Задача, которую ставил нарком по делам национальностей перед горцами, была сложной. В Дагестане Н. Гоцинский пользовался огромным авторитетом и влиянием на массы» [5]. Следует отметить, что представитель высшей военной элиты Красной Армии М.Н. Тухачевский, один из первых маршалов Советского Союза, отмечал, что в повстан-

ческом движении «борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением» [13]. Конечно, будущий красный маршал был прав, и последующие антисоветские выступления, особенно на Северном Кавказе, подтвердили его вывод. Он писал: «В районах прочно укоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться прочной оккупацией восставшего района» [13]. Здесь, на мой взгляд, следует обратить особое внимание на раскрытие понятия «внутренний противник». Следует согласиться с мнением о том, что в таком случае необходимо вносить полную ясность и в вопрос о природе и характере вооруженных восстаний и партизанской борьбы против существующей власти, так как «...этот аспект чрезвычайно деликатен в идейно-политическом, этническом, религиозном и других отношениях и предпочитает оставаться фигурой умолчания, контуры которой лишь иногда проступают через неопределенную фразеологию» [14].

Убедительным и обоснованным представляется и вывод о том, что во все времена вооруженная борьба с инсургентами (от лат. *insurgens* – восстающий) представляла собой военную деятельность особого рода. Цели, ставившиеся перед ней, – это цели войны с внешним врагом: контроль над территорией, нормальное функционирование государственных институтов и системы управления, безопасность граждан, суверенитет и т.п. Таким образом, подобную военную деятельность можно представить в качестве внутренних локальных войн [14, с. 6].

Именно внутрироссийской локальной войной была вооруженная борьба горцев Северного Кавказа в первой половине 20-х годов XX в. против советской России. Руководство Дагестанской АССР, совместно с частями Красной Армии, чекистами, милицией, активистами советской власти делали все возможное на протяжении нескольких лет в борьбе против Н. Гоцинского, обосновавшегося со своим штабом на Алмакских хуторах Хасавюртовского округа. Оттуда имам Северного Кавказа «направил за границу своего доверенного офицера Ахмед-Хана Аварского, который в 1922 г. возбудил перед Советом Лиги Наций ходатайство о признании Н. Гоцинского законным главой будущего «независимого Северокавказского государства и оказании действенной помощи в свержении Советской власти» [5, с. 157].

К началу 1925 г. ситуация на Северном Кавказе изменилась. Документы свидетельствуют: «...Значительно ослабленная в результате войн и революции экономика края поставила мало-мощную Чечню в особо трудные условия, отбросив ее к первобытным формам хозяйства. В Чечне происходила ожесточенная борьба за власть под лозунгом национального освобождения, автономии и спасения религии. Предпринятая правительством посылка в 1922 г. отряда под руководством Н. Гикало внесла частичное успокоение, но затем деятельность всех антисоветских групп чрезвычайно усилилась... Кроме того, во всей области продолжал остро стоять земельный вопрос с вытекающими из него кровавыми неурядицами, нагорная Чечня путалась в своей экономической немочи, а Гоцинский готовил переход к имамату, пользуясь тем, что советской власти в этом районе почти не существовало» [15]. Все это вынудило руководство страны разработать широкомасштабный план операции по разоружению Чечни.

Для исследователей данной проблемы интерес представляет «Инструкция РККА по разоружению населения Чеченской автономной области» от 4 августа 1925 г., которая возлагала руководство предстоящей операцией на военное командование Красной Армии. К операции активно привлекались представители ОГПУ и исполнительных органов власти [16].

Интересно отметить, что авторы инструкции предвидели возможный сценарий развития событий в виде активного сопротивления местного населения. В одном из важных документов было сказано: «...Намеченный к разоружению аул окружается войсковой частью с таким расчетом, чтобы жители были лишены возможности сноситься с прилегающими районами. После полного окружения аула представители Чеченского ЦИКа, ОГПУ и военного командования предъявляют на аульном сходе требование о сдаче всего имеющегося оружия. Для сдачи оружия устанавливается срок не более 2 часов. Жители предупреждаются об ответственности за невыполнение этого требования. Если население аула не выполнит требование о сдаче оружия, то командование отряда в качестве угрозы открывает артиллерийский огонь в течение 10 минут на высокие разрывы и полупоражения, а затем после отбоя снова вместе с представителями ОГПУ и ЦИКа отдадут приказание о сда-

че оружия в более краткий срок. По истечению означенного срока оперативная группа ОГПУ начинает поголовный обыск и изъятие бандитского элемента.

В случае выполнения условий сдачи оружия поголовный обыск не производится, а изымается только порочный и бандитский элемент. В зависимости от обстановки артиллерийский огонь может открываться несколько раз, но на поражение допускается лишь в случае сопротивления войскам.

После применения всех перечисленных мер воздействия операция может считаться законченной даже в случае отказа от сдачи предъявленного количества оружия и безрезультатных обысков.

В исключительных случаях при наличии злостного активного или пассивного сопротивления разоружению допускается производство арестов влиятельных лиц аула, причем к этой мере прибегать как к крайней, соблюдая максимальный такт» [16].

Руководство страны было серьезно озабочено ходом противостояния органов советской власти и повстанцев в Дагестане и Чечне, куда были переброшены новые воинские подразделения. 25 августа 1925 г. против повстанцев начались крупномасштабные боевые действия частей Красной Армии под командованием И.П. Уборевича [5, с. 159]. Частям Красной Армии помогали «чекисты Дагестанского, Чеченского, Владикавказского, Терского, Кабардино-Балкарского отделов ОГПУ совместно с активистами и добровольцами» [5]. К этому следует добавить, что «боевые действия развернулись по плану, разработанному И.П. Уборевичем и полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимовым» [5].

В «Отчете штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО) об операции по разоружению Чечни» от 19 сентября 1925 г. сказано: «Операция на равнине началась с окружения группой комполка П.Ф. Короля аула Ачхой. Жителям было предложено сдать в двухчасовой срок все имеющееся оружие. Так как в указанное время сдача не началась, по аулу было выпущено 15 шрапнелей, из них 10 на поражение. После того как были ранены две чеченки, жители начали сдавать оружие. Одновременно оперативная группа ОГПУ начала обыск, в результате было изъято 228 винтовок, 32 револьвера, после чего полк стал на бивак в 2 верстах севернее аула.

Но полк был обстрелян. Стрельба прекратилась после открытия ответного пулеметного огня».

Совершенно аналогичное разоружение шло и в последующие дни. Разница была лишь в степени упорства жителей и количестве выпущенных по аулу снарядов... 27 августа оперативная военная группа штатного командира дивизии И.Ф.Апанасенко подошла к аулу Зумсой, «население которого более всех противодействовало органам Советской власти с запада и юга. На сходе было предложено сдать 800 винтовок и 200 револьверов, отдать бандитов. В 12 часов, когда к Зумсою подошла южная колонна, жителям было предъявлено требование вернуть всех ушедших в горы» [16].

На следующий день обстрел Зумсою, как артиллерийский, так и с самолетов, был повторен, что оказало нужное действие: видя, что репрессии продолжают и войска не отступают от своих требований, жители в течение часа сдали 102 винтовки, тогда как в предыдущий день было сдано всего 27. Кроме того, были взорваны дома Атаби Шамилева (одного из руководителей повстанцев. – *С.Т.*).

В тот же день с утра группа А.Д. Козицкого, также штатного командира дивизии СКВО, подошла к аулу Келой, где было предъявлено требование о выдаче оружия. В ответ на это было принесено только 9 винтовок. Тогда по аулу был открыт артиллерийский огонь. После первых же выстрелов к штабу группы бросились женщины с плачем и криками. Прибывшие старики стали говорить, что оружие сдано. Между тем было видно, что у саклей группировались мужчины с оружием, и артогонь продолжался. После часового обстрела было сдано еще 15 винтовок. Начавшийся сразу обыск дал больше, чем было сдано ранее, и потребовался вторичный артобстрел. Всего до вечера было сдано 59 винтовок и 9 револьверов [16].

Бои с повстанцами были кровопролитными и ожесточенными. 30 августа 1925 г. возле села Ведучи в ожесточенном бою повстанцы потерпели поражение и отступили в Дайское ущелье, где произошло последнее сражение, длившееся четыре дня. Но повстанцы и здесь потерпели поражение [15, л. 3]. 5 сентября 1925 г. во избежание новых жертв сдался руководитель повстанцев Н. Гоцинский [5, 16].

Ожесточенное сопротивление частям Красной Армии оказали жители чеченского села Урус-Мар-

тан. Населению был предъявлен ультиматум сдать 4000 винтовок и 800 револьверов, но фактически было сдано чуть более 1000 винтовок и около 400 револьверов. Требованию выдать шейхов жители Урус-Мартан хотя и пассивно, но долго (с 6 по 9 сентября) сопротивлялись. Тогда комполка Король принял решение, согласно замыслу операции, применить артобстрел. Всего было израсходовано 900 снарядов. Бомбежка производилась и с воздуха. 12 домов оказались разрушенными. Оружие было сдано полностью [16, с. 45–46].

Воздушная бомбардировка пришлось на 16 аулов. Из 242 аулов в Чечне подвергся ружейно-пулеметному и артиллерийскому обстрелу 101 населенный пункт. Потери населения во время артогня составили 6 убитых и 30 раненых, взорвано 119 домов. Среди повстанцев 12 погибших. Части ОГПУ потеряли 5 бойцов, раненых было 9 человек. Арестовали более 300 человек из числа повстанцев, среди которых были и их лидеры – аварец Нажмутдин Гоцинский и чеченцы Атаби Шамилев и Эмин Ансалтинский. Во время военной операции было изъято 25 тыс. 299 винтовок, 4 тыс. 319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тыс. патронов [15, л. 5–16].

15 сентября 1925 г. суд приговорил имама Северного Кавказа Н.Гоцинского к высшей мере наказания. Его расстреляли в Ростове-на-Дону. С уничтожением Н.Гоцинского была похоронена на долгие годы и идея независимого исламского государства на Северном Кавказе. Сказан-

ное, однако, не означает, что в многонациональном регионе уже не было антисоветского движения и бандитских формирований. Они были здесь вплоть до 1944 г., т.е. до выселения чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев. Но такого размаха и силы, как под руководством Н.Гоцинского, антисоветское движение уже, конечно же, не имело. Следует подчеркнуть и то, что советская власть, как в центре, так и на Северном Кавказе, постепенно стала исправлять свои же ошибки и просчеты.

Советская национальная государственность народов Северного Кавказа способствовала преодолению сепаратизма, политического экстремизма, межнациональной вражды. В 20-е гг. XX в. советская власть, с одной стороны, решительно боролась против повстанческого движения, мобилизуя Красную Армию, другие силовые структуры на подавление антисоветских выступлений, сепаратизма и экстремизма; с другой стороны, она же делала максимально возможное для совершенствования национальной политики, национально-государственного устройства народов Северного Кавказа. На этом сложном и противоречивом пути были как несомненные успехи, так и очевидные ошибки и упущения. В целом, на мой взгляд, успехов и достижений было намного больше. Опыт национальной политики 20-х гг. XX в. заслуживает более пристального внимания и глубокого, всестороннего анализа ученых-исследователей.

Литература

1. **Каторгин И.И.** Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921–1925 гг.). – М., 1971. С. 21.
2. **История Дагестана с древнейших времен до наших дней (в 2-х томах).** Т.2. XX в. – Махачкала, 2005. С. 82.
3. **Ленин В.И.** Проект постановления Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41. С. 342.
4. **Коницев Ю.И.** Автономия народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1973, с. 59.
5. **Дзидзоев В.Д.** Национальные отношения на Кавказе (Издание третье). – Владикавказ, 2000. С. 152.
6. **Бюллетень Учредительного съезда Советов Горской АССР, 1921, № 3, 23 апреля.**
7. **Микоян А.И.** Из воспоминаний // Юность, 1967, № 3. С. 51.
8. **Сборник документов к истории ВЧК – ОГПУ (1917–1924 гг.).** – М., 1957. С. 13–14.
9. **Сборник документов по вопросам борьбы с контрреволюционными преступлениями.** – М., 1958. С. 105–106.
10. **Военная наука и революция, 1992, № 1.** С. 83.
11. **Военно-исторический журнал, 1985, № 5.** С. 44.
12. **Сталин И.В.** Соч., т. 4. С. 397.
13. **Тухачевский М.Н.** Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция, 1926, № 7. С. 9.
14. **Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность.** – М., 1997. С. 5.
15. **Российский государственный военный архив (в дальнейшем РГВА), ф. 25869, оп. 9, д. 285, л. 2–4.**
16. **Аптекару П.И.** Второе покорение Кавказа // Родина, 1995, № 6. С. 44–45.